

Константин Ерусалимский

ОТ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ К ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ: НОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ СЕРЕДИНЫ XVI ВЕКА

[Рец.:] Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. – М., 2003. – 621 с. ISBN 5-93646-053-3.

В современной российской историографии новые концепции «давно известных» политических фактов вызывают двойные подозрения: они могут показаться покушением на «великое прошлое» и могут потонуть в бесконечном обновлении настоящего. Именно поэтому в печатном потоке сейчас трудно разглядеть что-то кроме новых концепций и по тем же причинам, если остаются «концепции», у них мало шансов надолго остаться «новыми». Книга видного специалиста по истории средневековых международных отношений А.Л. Хорошкевич сочетает качества, позволяющие автору пройти между этими опасностями. Прошлое для автора не ограничивается местом для «гордости», а новая концепция предложена после многолетних исследований и с учетом огромного научного багажа предшествующей и современной российской и мировой историографии.

Исследование международных отношений 1540–1560-х гг. и участия в них России сопряжено в книге А.Л. Хорошкевич с детальным описанием царской политики, мотивации дипломатических решений, причин и последствий войн в Восточной Европе, взглядов современников на проблемы международных отношений. Исследователь занимает гуманистическую позицию. Эта позиция позволяет сдержанно относиться к взаимным обвинениям тех, кто в середине XVI в. разжигал Ливонскую войну, масштабы которой для ее времени сопоставимы

с мировой войной в веке XX. Россия представлена в обобщающей работе А.Л. Хорошкевич как государство, принимавшее активное участие в работоторговле, заинтересованное в разжигании войн и неоднократно несправедливо их разжигавшее. Война была формой существования государств Восточной Европы, в то время как мир был наивысшей ценностью. Между государственным устройством и государственной идеологией Русского царства возникло противоречие, последствия которого А.Л. Хорошкевич спроецировала на международный статус, социальные отношения государства и личность его главы.

В международных отношениях важнейшим для Русского государства А.Л. Хорошкевич считает вопрос о престиже государя. В отношениях с татарскими ордами постепенно устранялись следы ига, еще вполне ощутимые в начале XVI в. Против Великого княжества Литовского велась борьба за земли Киевской Руси. Впрочем, претензии на получение Киева, Волыни, Полоцка и Витебска заявлялись только в периоды обострений в сношениях между великими князьями и королями, особенно в ответ на требование отдать Новгород и другие земли, ставшие титульными территориями московского государя. Противник, равным образом претендующий на господство на русских землях, ревниво отказывал московскому государю в титуле царя, в дополнениях «всеа Русии», «Смоленский», «Лифлянский».

Глава московского православия для польско-литовских соседей также был наделен исключительно московской паствой, а не *всей Руси*. Одна из наиболее ощутимых заслуг нового исследования г-жи Хорошкевич в том, что в титулах, регалиях и символах обнаружены и детально раскрыты рычаги международной и внутривосточной деятельности Русского государства середины XVI века.

Еще одна тема, проведенная через всю книгу, – война и мир. В исследовании детально год за годом (а в отдельных периодах по месяцам и дням) прослежены изменения в балансе сил России и ее ближайших соседей на протяжении конца 1540-х – начала 1570-х гг. Этот период несколько лучше, чем предшествующий, освещен источниками, что позволяет автору тщательно сопоставлять информацию представителей нескольких стран и находить ответы на сложнейшие вопросы международных отношений того времени. Стандартные решения и упрощенные схемы чужды исследовательской манере А.Л. Хорошкевич. Автор исходит из особой «новой концепции», позволяющей связать сферы, традиционно изучаемые обособленно. На карте «большой истории» различимы действующие лица, характеры, судьбы людей, причастных к политике, которые руководствовались далеко не только великими замыслами. Они вели каждодневную жизнь, и каждодневная жизнь этих людей, их взгляды на историю и устройство их государства, психология, культурные представления были частью того, что принято называть «политикой».

Подход А.Л. Хорошкевич к политической истории системен, в книге встречаются психологические, историко-культурные и филологические экскурсы. Международная политика рассмотрена в тесной связи с социальными и культурными тенденциями в странах Восточной Европы. Системный подход открывает новые перспективы. Одна из них направляет к московской идеологии, имперские аспекты которой изучались специалистами, чьи наблюдения часто отнюдь небесспорны, но полезны уже тем, что акцентируют внимание на репрезентации власти в архитектурных сооружениях, иконописи, церемониале (П. Хант, В.В. Морозов, Б.А. Успенский, И.М. Соколова, П. Бушкович, Д. Роулэнд, П. Ниче и др.). В этих вопросах

исследование А.Л. Хорошкевич вносит много нового. В представленном в ее монографии объеме вопросы дипломатики, сфрагистики, символики и эмблематики к истории российской внешней политики XVI века ранее не прикладывались. Автор отмечает влияние на русскую дипломатию официальной идеологии, воплощенной в «Сказании о князьях владимирских»; связывает образ единорога с мессианскими представлениями московского двора о роли русских государей в христианском мире; высказывает вслед за Г. Штеклем и И. Гралей гипотезу о воздействии борьбы за литовские земли на создание Большой государственной печати Ивана Грозного; изучает изменения в титуле и формуляре царских грамот в связи с имперскими тенденциями московской власти.

На первый взгляд, могут вызвать недоумение хронологические границы книги. Это долгая «середина XVI века», охватывающая примерно четверть века 1547–1571 гг. и лишь половину (и середину же) правления Ивана Грозного. Можно предположить, что у автора было несколько оснований распорядиться именно так. Во-первых, венчание на царство 1547 г. повлекло за собой существенные изменения во «внешней» политике Русского государства, главным из которых стала борьба за царский титул на европейской арене. Во-вторых, участие царя в посольской деятельности с этого времени, видимо, усилилось. В-третьих, на этот период, как раз до июля 1570 г., приходится деятельность талантливого руководителя посольского приказа Ивана Михайловича Вискватого. В-четвертых, как считает А.Л. Хорошкевич, в этот период определились крупнейшие успехи русской дипломатии и крупнейшие неудачи, закончившиеся «крахом ливонской авантюры» в переговорах мая–июля 1570 г. с представителями Речи Посполитой. Большое значение для хронологической концепции А.Л. Хорошкевич имеет также почти пятнадцатичасовая царская речь 10 июня 1570 г. перед послами Речи Посполитой, подводящая черту в отношениях царя с западным соседом.

Некоторая диспропорция в соотношении «западной» и «восточной» дипломатии России в книге г-жи Хорошкевич оправдана как следствие концепции автора. Центром внимания в монографии является Ливонская

война и связанное с ней противостояние Русского царства с западными соседями. Восточные и южные границы царской «отчины», как и дипломатические отношения с Англией, представлены после 1558 г. скорее в качестве факторов в военных планах царя, чем как самостоятельные объекты исследования. Как пишет автор, к 1567 г. «определились три державы, которые и в последующем столетии останутся ведущими в борьбе за господство на Балтике – Швеция, Великое княжество Литовское в унии с Короной Польской и Россия, хотя политика некоторых из этих стран не всегда отличалась последовательностью, выписывая определенные зигзаги» (с. 459).

Книга содержит замечательные картографические приложения с цветными фрагментами карт А. Вида (1570 г.), Й. Портантиуса (1574 г.), Г. Меркатора (1595 г.), Э. Дженкинсона (1562 г.), С. Мюнстера (1559 г.), С. Герберштейна (1551 г.) по таллиннскому изданию «*Tabulae Livoniae*» Т. Райда 2002 г.

В 1–3 главах книги подтверждена традиционная точка зрения о влиянии особой группы царских советников на внешнюю политику 1550-х гг. Первоочередность дипломатического вопроса в судьбе влиятельных А.Ф. Адашева, протопопа Сильвестра и их сторонников подтверждается не только сочинениями Ивана Грозного и Андрея Курбского, но и русскими посольскими заявлениями 1558–1560 гг., в которых отчетливы отклонения от самодержавной политики борьбы за титул, – отклонения в поисках компромисса и мирного урегулирования европейских отношений. Одновременное усиление южной политики свидетельствовало о приоритетах, от которых после падения Избранной рады дипломаты Ивана Грозного откажутся. Вывод А.Л. Хорошкевич основан на соотношении целого комплекса политических тенденций в Восточной Европе к 1560 г.: «Итак, политика мирного урегулирования отношений с Великим княжеством Литовским и Короной Польской потерпела крах. Вместе с ней пришел конец не только всемогуществу, но и власти Адашева и Сильвестра» (с. 240, см. также с. 256).

Российское государство, возглавляемое эгоцентричным царем и его приспешниками, превращается в книге в агрессивную империю. Политики Избранной рады пытаются

сдерживать международный курс от поспешных решений, но в результате только содействуют разжиганию войны. Как убедительно показывает А.Л. Хорошкевич в третьей главе своей монографии, идеологическая подкладка войны играла большую роль не только в придворной борьбе, но и в развитии международных отношений и в выработке (суррогата) русской «внешнеполитической» доктрины. Окружение Алексея Адашева сдерживало территориальные претензии царя и в отношениях с Великим княжеством Литовским в 1558–1559 гг. шло ради заключения вечного мира на всевозможные уступки, включая и вопросы о претензии на царский титул и на «прародителивы свои отчины». Однако верх взяла тенденция, представленная новым окружением царя.

В главе 4 изучено, как взятие Полоцка и последовавшие за Полоцким походом 1562–1563 гг. события отразились на международном статусе и «внутренней» политике Ивана Грозного. Мир с Крымом, относительный успех в переговорах с Данией (воспринятый царем как поражение) позволили Ивану Грозному свободнее чувствовать себя на западном фронте. А.Л. Хорошкевич показывает, как вызревал опричный переворот на фоне военных удач мнительного царя Ивана. Его раздражение вызвано было трудностями, с которыми столкнулась российская дипломатия, пытаясь закрепить результаты военных действий, и подкреплялось его растущим убеждением в существовании вокруг себя заговора «изменных бояр». Это убеждение, как показано в главе 5, усугубилось, когда с января 1564 г. последовали явные провалы на литовском и ливонском фронтах. Однако Польско-Литовское государство не сумело воспользоваться собственными достижениями, в результате чего установилось шаткое «равновесие сил». Обе воюющие стороны по-разному испытывали внутренний кризис, вызванный войной. Если король и великий князь литовский оправдывался перед своими подданными и мобилизовал свои личные ресурсы на продолжение войны, то московский царь всю вину за просчеты свалил на своих воевод и приказных людей и создал опричнину, призванную, по первоначальному замыслу, карать тех, кто начал «от служб удаляться» (с. 412, 415).

Перелом в отношениях России с западным соседом, имевший, по мнению А.Л. Хорошкевич, долгосрочные последствия для международного статуса России, произошел на московских переговорах июня 1566 г. После долгой обоюдной торговли городами и землями, исторических экскурсов, угроз и обвинений, эффектного отказа царя от своих претензий на признание царского титула, после наспех инсценированного Земского собора проекты вечного мира были царем отклонены. Как считает автор книги, литовская знать во время этих переговоров готова была пойти на определенные уступки царю (например, отказывалась от претензий на Смоленск), чтобы «избежать объединения с Коронай Польской» (с. 440). Однако московские бояре не воспользовались моментом: «Именно они являлись виновниками крупнейшего стратегического и тактического просчета российской дипломатии середины 60-х гг. XVI в., приведшего в конечном итоге к образованию объединенного польско-литовского государства Речи Посполитой и поражению Российского царства в Ливонской войне» (с. 440). Именно тогда исход войны, по словам А.Л. Хорошкевич, «был предreshен» (с. 441).

Главы 6 и 7 показывают, как сказались неудачные переговоры с литовскими посланцами на «крахе» ливонской «анантюрь» России. Внешнеполитическим неудачам царь нашел объяснение в измене земель, служилых людей, воевод и своего ближайшего окружения. В стране нарастала борьба с изменой, круг подозреваемых расширялся, террор приводил к углублению военного кризиса. Как показала А.Л. Хорошкевич, развивая выводы И. Ауэрбах, замешательство в ряды придворной русской знати внесла миссия И.П. Козлова, с помощью которого литовские магнаты рассчитывали переманить бояр на королевскую службу по примеру Курбского. Литовское войско поддержали московские эмигранты, среди которых значительную роль играли А.М. Курбский, В.С. Заболоцкий («Владимир москвитин»), служилый человек из Уллы Орел Москвитин, Марк и Анисим Сарыхозины, Тимофей Тетерин. В 1567 г. царь и польский король обменялись неудачными военными акциями (Радошковичская выправа Сигизмунда Августа и Новгородский поход Ивана Грозного), после ко-

торых было «совершенно очевидно, что царь даже с помощью опричников уже был не в силах обеспечить проведение не только успешных, но и вообще каких-либо военных действий» (с. 487). В то же время московские послы в Швеции попали в переплет, став не только свидетелями, но также участниками и жертвами государственного переворота герцога Юхана против короля Эрика XIV в сентябре–октябре 1568 г. Вопрос о царском титуле не менее, чем раньше, интересовал русскую дипломатию и оказывал воздействие на переговоры с Швецией и Польско-Литовским государством, чего ярким свидетельством является необычный на общем фоне радушный прием 10 ноября 1568 г. в Москве неофициального посланника панов радных Улана Букрябы. А.Л. Хорошкевич сопоставляет интересы самодержавия и служилого класса, отмечая, как на протяжении десятилетия угасало желание высшей московской знати воевать против единоверцев и развивался институт местничества.

Центр крупных боевых действий для России в конце 1560-х и начале 1570-х годов переместился в область отношений с Османской империей и Крымом. Завоевательный поход войск Селима II и Девлет-Гирея на Астрахань А.Л. Хорошкевич связывает с программой султана по освоению коммуникации Дон–Волга с целью выхода к Индийскому океану и к Восточной Европе. События этого похода, по мнению автора, обострили русско-ногайские отношения и изменили расстановку сил при московском дворе. Были, в частности, отравлены вторая жена царя Мария Темрюковна и Владимир Андреевич Старицкий. А.Л. Хорошкевич высказывает предположения, что брак с дочерью черкесского князя на фоне борьбы Османской империи против черкесов был невыгоден царю, как и возросшая в ходе последних военных операций популярность его двоюродного брата. Иван IV, продемонстрировав миролюбие в отношении могущественной южной империи, вновь приступил к дипломатическим играм в треугольнике с Речью Посполитой и Швецией, которые сблизились друг с другом после переворота Юхана III. Агрессивность и готовность на жесткие меры была показана шведскому посольству Павла Юстена и польскому посольству Яна Скртошина. Те и дру-

гие испытали множество оскорблений вплоть до физических унижений. Всплеск дипломатического насилия на западном направлении представлен в монографии А.Л. Хорошкевич в тесной связи с пиком опричных казней. Вполне закономерно и многообещающе, что автор рассматривает эти события как проявления одной тенденции в политике московского двора. Пиком и композиционным завершением повествования в монографии является воплощение «московской имперской доктрины» (по словам И. Грали) – долгая речь, произнесенная Иваном Грозным перед литовскими послами 10 июня 1570 г. Достигнутое в ходе этих переговоров трехлетнее перемирие автор называет «полным фиаско внешней политики Грозного на западном направлении» (с. 554). В полемике А.Л. Хорошкевич с И. Гралей, как представляется, представлено две правды. Нельзя не согласиться с польским исследователем, что царские дипломаты профессионально провели переговоры и на годы отложили боевые действия, создав, вместе с тем, неясную перспективу для переговоров о наследовании польского престола. Последняя содержала надежду на полное завершение изнурительной войны. Однако оценка переговоров царем (видимо, не без влияния определенных советников) и на этот раз была невыгодной для посольских служащих. Царь предназначил им Поганую лужу: «Вину за собственный авантюризм он возложил на своих сподвижников, верой и правдой созидавших громоздкое здание Российского царства в первые двадцать лет его существования» (с. 557). Политика Ивана Грозного в этом смысле в очередной раз потерпела «крах». Впрочем, можно ли представить себе иначе

исход политики царя Ивана, если учитывать, что она была направлена на завоевание «всей вселенной» или хотя бы на раздел ее между тремя империями, одной из которых считал свою страну московский самодержец?

По числу упоминаний царь Иван IV в монографии вне конкуренции. А.Л. Хорошкевич убеждена, что у него, «как можно предполагать, имелся весьма своеобразный комплекс неполноценности» (с. 62). Суждения А.Л. Хорошкевич о психическом состоянии Ивана Грозного часто новы и требуют серьезного переосмысления источников¹. К таким новым идеям можно отнести указание на разделение земского и государева дел уже с конца 1540-х гг. (с. 88), предположение «скорее о тяжком душевном смятении, нежели о настоящей болезни» царя в марте 1553 г. (с. 129). Патологические черты, характерные для личности первого русского царя, уже неоднократно обсуждались в историографии, и медики решали этот вопрос не лучше историков, поэтому замечание о его комплексе неполноценности можно считать не столько диагнозом, сколько углом зрения, под которым многое в действиях Ивана Грозного более понятно. Вместе с тем правящая персона иногда в книге выступает как абсолютная власть, которая любой ценой преследует только свои болезненные интересы². Само по себе это вызывало сомнения, сформулированные, например, Э.Л. Кинаном и Н.Ш. Коллманн³. Царь не мог нарушать традиции, без которых распался бы весь общественный организм. Он опирался в первую очередь на боярскую элиту, которая, как подтверждают вступительные наблюдения А.Л. Хорошкевич, была отнюдь не смиренной и послушной в период Боярского правления. Но она не

¹ Гипотеза о паранойе Ивана Грозного высказывалась Р. Хелли, но до недавнего времени поддерживалась, главным образом, в зарубежной историографии (Богатырев С.Н. Поведение Ивана Грозного и моральные нормы русского общества XVI в. // *Studia Slavica Finlandensia*. – Helsinki, 1994. – С. 1–20; Hellie R. Late Medieval and Early Modern Russian Civilization and Modern Neuroscience // *Culture and Identity in Muscovy, 1359–1584*. – М., 1997. – Р. 146–165; ср.: Иванов В.В. Нейропсихологические модели и возможности их применения к истории русской средневековой культуры // *Ibid.* – С. 181–202).

² Здесь не всегда представляется уместным этическое изобличение. Так, говоря о посольстве Павла Юстена, автор указывает, что «методы, которыми действовал царь, были мелочными и унижительными как для послов, так и для его собственного достоинства» (с. 520). Если под «собственным» понимать *царское* достоинство, то вряд ли от царя в 1569 г. следовало бы ожидать милостивого приема шведского посольства, тем более, что целый ряд «мелочей» в его распоряжениях был направлен на планомерное унижение достоинства Юхана III.

³ В другой работе А.Л. Хорошкевич пишет: «Нельзя не согласиться с мнением Э. Кинана о весьма значительной роли Думы, особенно в период боярского правления и при Иване IV» (Хорошкевич А.Л. О Висковатом, его времени и безвременьи // *Russia Mediaevalis*. – Munchen, 2001. – Т. X/1. – С. 283. – Прим. 46).

была и монолитной ни тогда, ни после. Сочинения Ивана Грозного показывают (и в этом перекликаются с точкой зрения А.М. Курбского), что представители элиты вели непрекращающуюся борьбу за влияние на государя и в период царства⁴. Ближайшее окружение царя раскололось по династическому вопросу в момент «мятежа» в марте 1553 г. (ср.: с. 131). Следовательно, у окружения царя Ивана были способы влиять на жизнь двора, но не было того единства, которое позволяет автору говорить о «позиции боярства» (с. 75, 495–496), его «концепции внешней политики» (с. 84), «миролюбивом настроении» (с. 85), «недовольстве военной знати царем» (с. 109), «связи Адашева с боярами» (с. 254), «интересах боярства» (с. 256), «бояр» или «Боярской думы» (с. 451). То церемониальное единство московской ближней рады, которое постоянно встречается в посольских книгах, с ее ритуальной поддержкой царя или столь же ритуальным сопротивлением, призвано на формализованном языке сообщать только одно: что это единство есть.

По этой причине помимо посольских книг необходимы другие источники, чтобы доказать, что это единство было фактом самосознания «боярства». В приговоре 5 февраля 1549 г. А.Л. Хорошкевич обнаруживает, по ее мнению, уникальную для дипломатической истории XVI и XVII вв. ситуацию, «когда бояре наряду с политическими выдвигают и нравственные доводы» (с. 76). С выводом об уникальности нравственного подхода в московской дипломатии согласиться нельзя. Комиссия В.М. Юрьева постановила о необходимости проливать кровь *сначала* не «за имя» (за титул), а за земли против Крыма и Казани, после чего отстаивать «имя» перед королем. Никаких

нравственных принципов, отличных от постоянных в делах с Речью Посполитой XVI–XVII вв. замечаний о недопустимости кровопролития между христианами, здесь нет⁵, а вот геополитическая стратегия налицо: выяснить отношения с насущными противниками, а потом уж решать отношения с королем (причем формула «вперед с королем за то крепко стояти» может подразумевать как дипломатическую, так и любую другую борьбу). Как именно предполагалось их решать, можно понять по наказу ответного посольства к королю М.Я. Морозова со товарищи, в котором было предписано напомнить, как у короля Александра были отняты земли Иваном III за то, что он «деда государя нашего не учал был писати всея Руси» (с. 87).

Дальнейшая история противостояния царя и бояр в концепции А.Л. Хорошкевич строится на предполагаемом посольском конфликте января–февраля 1549 г. Картина противостояния и его последствий выполнена в психоаналитической манере и призвана объяснить травматическим эффектом царский психоз опричного времени. Эта картина оригинальна, в массе сочинений об Иване Грозном она выделяется «лица необщим выраженьем». Но на пути к концептуальному единству автор, как представляется, вынужден использовать целый ряд допущений, которые читателю приходится принять на веру. Первое из них – что во время посольства Я.Ю. Камаевского произошел, а не был инсценирован для сохранения перемирия (ср.: с. 115), конфликт между царем и думской дипломатической комиссией. В это можно поверить, если учесть маниакальное стремление царя утвердить свой титул. Второе – царя принудил отказаться от его претензий священник Силь-

⁴ А.Л. Хорошкевич предлагает искать членов Избранной рады из «Истории о Великом князе Московском» среди лиц, выехавших вместе с царской Ближней думой в Коломну навстречу крымскому хану в 1555 г., что противоречит источнику, так как в «Истории» названы поименно некоторые советники, которых Курбский считал причастными к Избранной раде, и их список не совпадает в ряде позиций с данными коломенского разряда, да и включает вовсе не только «мужественных» воевод, но и представителей духовенства (с. 164).

⁵ Нельзя согласиться, что «риторика относительно роли Бога в мирских делах» была характерной чертой какого-то особого круга лиц и отличала, например, И.М. Висковатого от других дипломатов. Ни ссылки на Бога, ни бранные высказывания не являются проявлением авторского сознания, а составляют часть дипломатического церемониала. Поэтому *такое* использование посольской риторики для решения вопроса «кто же был радетелем вечного мира «между христиан»» (с. 247, 387) представляется мне неправомерным. Ответ на вопрос «кто же» возможен только в том случае, если удастся формализовать посольский дискурс и установить критерии атрибуции. Ни то ни другое в книге А.Л. Хорошкевич не сделано.

вестр. В это можно поверить, так как на конец 1540-х – начало 50-х гг. приходится «пик его влияния на царя» (с. 76). Третье – постановление на «Соборе примирения» о суде над дворянами было направлено на создание «противовеса верхушке господствующего сословия», и это «был как бы реванш за неудачу притязаний царя во внешнеполитической сфере» (с. 80). Можно и в это поверить, поскольку некоторое неопределенное, но все же множество («все остальные», помимо душегубства, татьбы и разбоя с поличным) дворянских судебных дел перешло в ведение царя. Четвертое – пополнение Думы в 1549 г. было направлено против интересов царя, не вполне ясно толи как ответ на его упрямство в вопросе о титуле, толи как продолжение давления на него. В это поверить означает признать, что царя не устраивали кандидатуры новых думцев, на том основании, что из них «почти треть попала в дальнейшем в опалу» (с. 81).

Думается, все четыре допущения сами по себе сомнительны. Из них первое построено таким образом, как если бы признание царского титула Ивана IV в Европе было нужно только самому кровавому тирану, а его советникам дипломатическое равенство Русского государства со Священной Римской и Османской империями – не было нужно. Условность образов «царя» и «бояр» доказывается также формуляром и практикой дипломатических уступок в отношениях Москвы и Польско-Литовского государства. Уступка является унижением достоинства суверена и частично перекладывается на его советников. Скажем, в королевской грамоте к Ивану Грозному от 3 сентября 1580 г. читается: «А вед же за жеданем послов твоих а за прозбою и радою Панов рад наших и тепер то, иж есмо за слушным и пристойным застановенем ку постановенью доброе приязни и покою так склонни, яко нам господару хрестиянскому належит, оказуючи на тое подане послов твоих, то тебе ознаймуем, што ся дотычет тытулу и почести братское, што ты якобы за велико собе покладаючи о доброй приязни подаеш, тогда мы, яко зо всеми господари хрестиянскими доброе приязни вживаем так ни чиее приязни ани

братерства ани намовами ани жадными иными причинами домагатися и вытегати не хотим и тытулов малопотребных не жедаем»⁶. Следует ли из этого заявления, что между Стефаном Баторием, с одной стороны, и Панами рад и московскими послами, с другой, было противостояние по вопросам о титулах в 1580 году? Нет никаких оснований допускать положительный ответ.

Роль протопопа Сильвестра во внешнеполитических мероприятиях конца 1540-х годов не ясна ни из одного источника, в том числе и из тех, которые свидетельствуют о его могуществе. Третье допущение неубедительно, поскольку на том же соборе Иван Грозный не противопоставил себя боярам, а простил их, точнее даже провозгласил взаимное покаяние за дореформенное прошлое, а постановление о дворянах касалось конфликтов в местном суде и управлении. Четвертое размышление предполагает высокую степень гипотетичности, несмотря на то, что отношение к политике Избранной рады у Ивана Грозного было отрицательным *post factum* и царь, похоже, был недоволен какими-то назначениями 1550-х годов. В этом вопросе не обойтись без обсуждения причин и хронологии опал, постигших треть новоназначенных думцев. Однако почему только треть? И сколько лиц, получивших думский чин на рубеже 1540–1550-х годов, рано или поздно попали в опалу? Даже если принять на веру все четыре допущения, почему же нельзя предположить, что травм, повлиявших на царский психоз, было значительно больше? На этот вопрос предлагается ответ: поиски «причин опал и казней Грозного в событиях, непосредственно предшествовавших расправам, кажутся неправомерными», что в свою очередь доказывается тем, что «упреки в адрес провинившихся могли раздаваться не сразу», и делом В.И. Патрикеева и С. Ряполовского 1498 г. (с. 77). На мой взгляд, вся система аргументации чрезвычайно шаткая.

Кроме того, когда исчезали крупные политические фигуры, причастные к дипломатическим отношениям, например, А.Ф. Адашев и И.М. Висковатый, об их устранении заметно пеклись, кроме царя, не

⁶ РГАДА. – Ф. 79 (Сношения России с Польшей), оп. 2, д. 5, л. 1.

все его холопы, а определенные их представители или кланы (например, клан Юрьевых, Сукиных и Щелкаловых)⁷. А Курбский писал даже, что такие люди для решения своих карьерных притязаний пользовались властолюбием царя, или, по словам А.Л. Хорошкевич, его комплексом неполноценности. Поэтому когда в источниках речь идет о «различных шагах, предпринимавшихся монархом во внешнеполитической области», странно было бы при изложении исторических событий ограничиваться «особой государя», как предлагает автор (с. 66). При этом уже в середине 1550-х гг. придворные царя как бы делятся в книге на Избранную раду и «будущих опричников» (П.В. Зайцев на с. 158, А.Д. и Ф.А. Басмановы-Плещеевы на с. 162, Р.М. Пивов на с. 232, И.С. Черемисинов, П.Г. Совин, П. Григорьев на с. 258–259, И.Б. Блудов, И.С. Черемисинов и другие на с. 379), а уже на посольском приеме 1562 г. «справа от митрополита располагались будущие жертвы царя» (с. 314; см. также с. 355, 360, 366, 451–452). Для современного историка такое опережение событий привычно. К примеру, XVII съезд ВКП(б) не без оснований называют «съездом расстрелянных победителей». Это типичный для историков литературный прием (позиция «всеведущего нарратора»)⁸. Поскольку и в книге А.Л. Хорошкевич он выполняет отнюдь не эстетическую, а интерпретативную функцию, попробуем задаться вопросами: был ли неизбежен опричный раскол в приближении царя и действительно ли он наметился с конца 1540-х гг.? «Будущие опричники» и «будущие жертвы опричнины» ни разу в мону-ментальной монографии Анны Леонидовны

не сталкиваются и не проявляют, иначе как в суждениях автора, свое предназначение. Можно на это ответить, что источников о борьбе в государевом дворе до нас дошло мало. С этой точки зрения ретроспективная проекция опричной политики на предшествующие события не только возможна, но и необходима⁹. Однако в разработке вопроса о подобных проекциях посольская документация и посольские службы в том виде, как это представлено А.Л. Хорошкевич, думается, нерепрезентативны. Во-первых, опричнину не отличала единая кадровая политика, и указанные здесь «будущие опричники» входили в государев двор с хронологическим разбросом от 1565 до 1571 г. и некоторые из них пострадали от опричнины прежде чем стали ее частью¹⁰. Во-вторых, тот же хронологический разброс обнаруживает А.Л. Хорошкевич в отношении «будущих жертв»¹¹. Наконец, в источниках с 1540-х до середины 1560-х годов автор не определяет круг социальных категорий, которые были бы сопоставимы с «опричной» 1565–1572 гг. или с «двором», «опричным двором» последних лет правления Ивана Грозного¹². Таким образом, практически единственным аргументом в пользу того, что появление на тех или иных церемониях (и даже в приставах) «будущих опричников» действительно предвещало «будущую опричнину», является само по себе их появление в качестве «будущих опричников». Трудно понять, почему опричнина дала о себе знать этими фигурами за годы до своего возникновения.

Особого внимания заслуживают полемические замечания А.Л. Хорошкевич о «внешнеполитической программе» Ивана

⁷ Богатырев С.Н. Клан дьяков Щелкаловых // Историческая генеалогия. – Екатеринбург; Париж, 1995. – Вып. 5. – С. 66 и далее.

⁸ См. об этом приеме: Данто А. Аналитическая философия истории. – М., 2002.

⁹ Давно известны сходства в формировании элиты конца 1540-х – 1550-х годов и опричнины 1560-х годов. В обоих случаях играла большую роль военная реорганизация и подготовка масштабных боевых действий; происходили обращения за поддержкой к «всенародству»; выдвиненцы занимали высокое место при государе скорее не «по отчеству», а «по рододству»; проводился набор «тысячников», сопровождавшийся перекройкой землевладения; проводились в первом случае меньшие, во втором значительно большие репрессии против высшей знати.

¹⁰ Зимин А.А. Опричнина. Изд. 2-е, испр. и доп. – М., 2001. С. 107, 133, 135.

¹¹ Исправим ошибки. Князь П.М. Щенятев был казнен не в 1565 г., а в 1566 г. (Зимин А.А. Опричнина. – С. 99, 328. Прим. 169). И.П. Яковлев не «погиб при пожаре», а был казнен (Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. – С. 432–433).

¹² Станиславский А.Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. – М., 2004. – С. 119 и далее.

IV. Целеустремленность в его (в данном случае все равно: или его окружения) деятельности неоднократно переоценивалась в научной литературе. Анна Леонидовна отвергает идею о «его стремлении к Балтике» и полагает, что на царя повлияли определенные идеологические веяния, выраженные также в книжности и церемониале эпохи: «Для государя России середины XVI в. мог быть более весомым «субъективный» фактор – стремление обладать «всею вселенною», гипертрофированное желание утвердить себя в качестве истинного и законного преемника и наследника Пруса» (с. 203–204). То, что выражение «вся вселенная» семантически связано только с имперской идеей, нуждается в дальнейшем обосновании, так как оно все же достаточно часто встречается в средневековой русской литературе и в других контекстах, тогда как в посольских делах в таком значении нам ни разу не встречалось¹³. Прус появился в качестве посольского аргумента лишь в декабре 1563 г. и вскоре был расценен польско-литовской стороной как дипломатическая уловка, но и при этом вплоть до переговоров под Ямом Запольским сохранял свое значение в ряду аргументов в пользу преемственности русской власти от Рима. В стремлении расширить царские владения русское посольское ведомство, окружение царя и, возможно, он сам также не отличались беспринципностью. Ливония, по московской официальной легенде, была «изначала» отчиной русских государей, и в доказательство посольское ведомство неоднократно ссылалось на грамоты, летописи и хроники, которые совершенно не убеждали поляков и литовцев. Походы в эти земли были представлены как «очищение» царем «своей отчины Лифляндские земли»¹⁴. Легенда обладала тем не менее слишком большой привлекательностью для московского трона после смерти Ивана Грозного, чтобы считать ее основой исключительно страсть этого монарха к приращению титулов.

С другой стороны, в дипломатических условиях Ливонской войны настаивать на царском титуле было рискованно. Как посольский прием это требование было вы-

игрышным в большой игре, но проигрышным в церемониальной торговле. Как отмечает автор, к концу 1563 г. это «был тот самый пункт, от которого бояре отказывались в первую очередь, начиная с 1549 г.» (с. 378). Чуть ниже по тексту сказано, что в 1566 г. на задний план в переговорах Москвы с ВКЛ «отошла проблема царского титула, причем второй раз на протяжении 1549–1566 гг. и, видимо, по собственному желанию царя (первый раз это произошло в 1549 г. по инициативе бояр)» (с. 450–451, 496). Формулировка «второй раз» неверна и противоречит другим результатам исследования А.Л. Хорошкевич, поскольку об аналогичных «отказах» говорится в истории переговоров России с Польско-Литовским государством в конце 1550-х годов и в обсуждении «цены» «царского имени» на переговорах в декабре 1563 г. Титул был разменной монетой, конечно, весьма высокой пробы. Посольские комиссии пользовались и другой дипломатической валютой, «отказываясь» от не принадлежавших царю *de facto* всей Ливонии, всей Литвы, Киева и других более или менее чрезмерных притязаний, когда речь шла о заключении краткосрочного перемирия.

Думается, драматизм в вопросе об отношении царя к своему титулу в книге А.Л. Хорошкевич несколько преувеличен. Пример Улана Букрябы только подтверждал то правило, что на официальное признание царского титула со стороны ВКЛ великий князь Иван Васильевич мог рассчитывать только на очень невыгодных условиях или в результате выдающегося военного успеха. Поэтому тот факт, что в сообщении о Люблинской унии «Иван IV был поименован столь непочтительно» «князем великим московским», вряд ли следует считать серьезным дипломатическим поражением (ср.: с. 505). В Москве не могли не понимать, что за спиной у королей Польско-Литовского государства поддержка Престола, которую короли использовали в своих целях. Между тем, в рецензируемой монографии беспокойство Сигизмунда II Августа из-за слухов о ватиканских амбициях московского государя в 1552 г. коммен-

¹³ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. II: възалкати-добродетельникъ. – М., 1989. – С. 217–220.

¹⁴ РГАДА. – Ф. 78 (Сношения России с римскими папами), оп. 1, кн. 1, л. 170 об.

тируется весьма странно: «Речь могла идти о короне как материальном предмете, а не о признании королевского титула», известия об этом, «вероятно, и трансформировались в слух об отказе царя от православия» (с. 121). О переговорах Ивана IV с Юлием III Сигизмунду II сообщил кардинал Бернардино Маффеи¹⁵. В письме короля М.Я. Радзивиллу Черному от 24 января 1553 г. говорится не о готовности Москвы отказаться от православия, а как раз о том, чтобы препятствовать великому князю в его влиянии на Империю и переговорах с Римом и в качестве меры предложить римскому папе определить условием принятия короны отречение от православия и от «всех русских обрядов» (ср.: с. 118–119). Была ли это ложная тревога? Скорее, думается, продуманный демарш, который мог быть упредительным. При этом опасения были бы абсолютно обоснованными, если бы речь шла о короне как «материальном предмете». Такая «материя», как корона, полученная из рук римского епископа, не могла не иметь отношения к королевскому титулу. Кстати, расчет Сигизмунда II был довольно точен в мерах пресечения московско-римских связей. Об этом говорят события, формально (по хронологии) выходящие за область наблюдений в монографии г-жи Хорошкевич. Вселенские амбиции Москвы не заходили настолько далеко, чтобы поддержать предложения римского престола в конце войны. И здесь трудно понять, кто мог надавить на царя, чтобы он отказывался от титула, который ему предлагали католики. А. Поссевино в 1581 г. вез Ивану Васильевичу от папы Григория XIII предложение вступить в лоно католичества в обмен на турецкие владения («Греки») и все земли «которые на всход солнца» («Азею») и весьма лестное обещание: «тебя государя великою честью и титлами умножит, которые пригодятца к твоему величеству, а то бы было по божьему велению, так как святому Петру и его наместником Бог дал, таково ж бы твоего царства титул с розмножением ся писало и на

небесех утвержено было, а у наместника христова и у потомка петрова будут написаны на земли, а в тех делах навыйший папа накладу своего не пыатет и начаетца, что и сильнейшии княжата на то произволят з божиею помочю»¹⁶. Мечты сбывались. Стоило ли царю римского понтифика «волком» обзывать?

Оборотной стороной борьбы за титул было приращение земель. Борьба царя за Ливонию объясняется в источниках, главным образом, историческими и политическими мотивами. Значит ли это, что Балтика не вызывала в русском правителе и его окружении меркантильных интересов? Совсем нет. Нельзя согласиться с мнением А.Л. Хорошкевич, что торговый вопрос был для царя второстепенным. Россия была втянута в экономическую систему, которую можно определить вслед за Ф. Броделем как «торговый капитализм»¹⁷. В посольских отношениях между странами, воевавшими за Ливонию, торговый аргумент был значимым и остро обсуждался. Посольский приказ ссылался на грамоты, по которым ливонские земли принимали нарушенные в 1550-е годы обязательства не пособлять польским королям и платить «дань и старые залогии»¹⁸. Русские послы под Ямом Запольским намеренно должны были уходить от обсуждения торговой выгоды присоединения ливонских портов, тем самым демонстрируя скрытую мотивацию. Интересны в этой связи указания Дмитрию Елецкому со товарищи в ответ на слова Антония Поссевино о том, что российского правителя может волновать торговый вопрос, требовать сохранения двух ливонских портов за Россией, чтобы «ссылаться» с папой, цесарем и западным миром¹⁹. Нельзя также проходить мимо замечания очень осведомленного современника Андрея Курбского, который считал, что новгородцы имеют «от самого места порт к морю», «сего ради богати зело бывают, подобно, яко мню, великих ради богатств губил их [царь Иван – К.Е.]»²⁰. Меркан-

¹⁵ Wojtycka H.D. Papiestwo – Polska (1548–1563). – Lublin, 1977. – S. 282.

¹⁶ РГАДА. – Ф. 78, оп. 1, кн. 1, л. 121 об.–122.

¹⁷ Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3 ч. Ч. 1: Роль среды / Пер. с фр. М.А. Юсима. – М., 2002. – С. 438.

¹⁸ РГАДА. – Ф. 78, оп. 1, кн. 1, л. 187 об.

¹⁹ РГАДА. – Ф. 79, оп. 1, кн. 13, л. 402–403, 564.

²⁰ Prince A.M. Kurbsky's History of Ivan IV / Ed. with a transl. and notes by J.L.I. Fennell. – Cambridge, 1965. – P. 246.

тельный интерес Ивана IV к Балтике вовсе не изобретение позднейших историков.

В главах, посвященных 1560-м годам, не прокомментированы и, видимо, вообще не учтены оценки этого периода русским посольским ведомством в 1570-е и начало 1580-х годов²¹. При этом невнимание историографии к взгляду на русскую дипломатию в 1540-е и 1550-е годы с точки зрения 1570 года справедливо рассматривается автором как упущение. Например, взятие Полоцка было представлено Антонио Поссевино как давление на Сигизмунда II Августа, «чтоб он нам наши вотчины Лифлянской земли поступился»²². Иначе могут быть поняты события, связанные с освобождением Я.Я. Глебовича, если следовать посольским наказам рубежа 1570-х и 1580-х годов: виленский воеводич клялся царю в верности на Писании, а затем после событий, которые не были известны в Москве, «пристал» к изменникам²³. Вопрос о роли митрополита Афанасия в этом освобождении требует пересмотра или, по крайней мере, уточнения (ср.: с. 426–428). Отделить в этих «припоминаниях» 1560-е от 1580-х иногда не представляет труда, но в некоторых вопросах (особенно в ключевых для монографии проблем царского титула, самосознания царя и его окружения и целей войны за Ливонию) эти источники позволяют и изменить, и дополнить наши знания о «середине XVI века».

Однако в посольской документации последних лет правления Ивана Грозного можно обнаружить данные, которые имеют пря-

мое отношение к центральной для книги г-жи Хорошкевич теме «краха» ливонской политики России. Московский царь, как видно из его реакции на сообщение о Люблинской унии, демонстрировал безразличие к созданию объединенного Польско-Литовского государства. Последствия унии 1569 г. для Восточной Европы, тем не менее, были весьма значительны. Перед Москвой возникли новые трудности в борьбе за доминирование в регионе, и можно предположить, что безразличие царя уже в том 1570 году было напускное. Означала ли она для завоевательных перспектив Русского царства крах?

Да и нет, кажется, было бы наилучшим ответом. Несмотря на объединяющую для Короны и Великого княжества Литовского фигуру правителя-суверена, государственные структуры, внешняя политика, правовые традиции, язык, религиозные представления в этих странах оставались во многом несходными²⁴. Одно решение, принятое 1 июля 1569 г. в Люблине, вряд ли имело окончательное значение для преодоления множества противоречий между великим княжеством и королевством. По своей военной составляющей это оказался скорее оборонительный союз, чем наступательный, причем литовское командование неоднократно жаловалось, что польская сторона оборонительные условия унии не выполняет. С этой точки зрения положение России в войне еще несколько лет оставалось неизменным, а литовской дипломатии приходилось прибегать к посулам и уловкам, чтобы утихомирить агрессивного соседа²⁵.

²¹ В ряде вопросов, затронутых в монографии, особый вес имеет документация Речи Посполитой. На всем протяжении книги систематически следуют ссылки лишь на переписку Сигизмунда II Августа с Радзивиллами и на опубликованные книги Литовской Метрики. Монография А.Л. Хорошкевич показывает, насколько важно для изучения проблемы введение в научный оборот материалов по истории русско-польских отношений, хранящихся в европейских архивах. Среди них – переписка польско-литовских сановников, современные и ретроспективные данные о Московской войне книг Литовской Метрики, полные интересными подробностями о посольствах королевских представителей в Москву посольские отчеты, данные о пожалованиях за участие в войне и плен (только некоторые из них содержатся в книгах Литовской Метрики и гербовниках Б. Папроцкого, Ш. Окольского, А. Виюк-Кояловича и др.).

²² РГАДА. – Ф. 78, оп. 1, кн. 1, л. 260.

²³ РГАДА. – Ф. 79, оп. 1, кн. 11, л. 232–232 об., 312–312 об., 379–379 об.; кн. 12, л. 185–185 об., 291–291 об.; кн. 14, л. 342 об. Особенно: «Ты государю дал душу в церкви на святом Евангиле, что было тебе государю нашему служить. И государь тебя пожаловал отпустил» (РГАДА. – Ф. 79, оп. 1, кн. 12, л. 291; кн. 14, л. 342 об.).

²⁴ Maćzak A. Jedyna i nieporównalna? Kwestia odrębności Rzeczypospolitej w Europie XVI–XVII wieku // *Кwartalnik Historyczny*. 1993. – Cz. 4. – S. 121–136; Markiewicz M. «Jedyna i nieporównywalna?» – normalne państwo europejskie czy może państwo pogranicza? // *Między Zachodem i Wschodem. Studia z dziejów Rzeczypospolitej w epoce nowożytnej*. – Toruń, 2002. – S. 17–22; Zakrzewski A.B. *Wielkie Księstwo Litewskie 5* *служити. И государь тебя пожаловал отпустил»* (РГАДА. – Ф. 79, оп. 1, кн. 12, л. 291; кн. 14, л. 342 об.).

²⁵ Lulewicz H. *Gniewów o unie ciąg dalszy. Stosunki polsko-litewskie w latach 1569–1588*. – Warszawa, 2002.

Другим фактором, подрывающим унию, был династический кризис в Речи Посполитой в связи с отсутствием у Сигизмунда II Августа потомства. Усилия Ивана IV с 1560 г. были направлены на заключение династического брака с представительницей династии Ягеллонов, и эти усилия не прекратились даже когда Екатерина Ягеллонка оказалась замужем за финляндским герцогом Юханом²⁶. Два бескоролья 1570-х годов в Речи Посполитой показали, что царь в силах внести раскол в политические предпочтения польской и литовской элиты и организовать военное вторжение. Русское посольское ведомство, как видно из дипломатических наказов, исходило в своих планах из противостояния польской и литовской знати. В переговорах 1575 г. царь пытался поддержать этот раскол, обзаваясь в случае победы своей кандидатурой на литовский престол сохранить и увеличить привилегии литовских магнатов и шляхты²⁷. Эти обещания могли подкупить тех, кто боялся утратить былой социальный статус в союзе с Польшей. Еще одно противоречие, которое было заложено как раз Люблинской унией, заключалось во взаимных территориальных претензиях Польши и Литвы. Корона присвоила себе Волынь, с чем литовские магнаты были несогласны. Дипломатия царя при этом подразумевала возвращение Волыни в состав «всёя Руси» и в принципе могла показаться созвучной требованиям литовских магнатов. В московских источниках не обнаруживается убедительных сведений, которые позволили бы судить, стремился ли до 1569 г. царь воспрепятствовать объединению Польши и Литвы. События Ливонской войны подталкивали его противника к этому объединению, но помешал бы этой тенденции вечный мир

России с Литвой в 1566 или 1570 г. – вопрос не для однозначных ответов, а для игры ума.

Отметим некоторые ошибки и недоказанные утверждения. Алексей Данилович Басманов и Алексей Данилович Плещеев по ошибке фигурируют в книге как два разных человека (см. по указателю, особенно с. 142)²⁸. Царский постельничий И.М. Вешняков как в тексте, так и в указателе назван Игнатием Вишневецким (с. 233, 574). Софья Витовтовна названа женой не Василия I, а Василия II (с. 246). Софья Ягеллонка определена не сестрой, а дочерью Сигизмунда Августа (с. 335). Литовские послы для продления перемирия приглашались царем к 1 сентября не 1564, а 1563 года (с. 351). Курбский не намекал на связь Елены Глинской с «Телепневым-Оболенским», а писал о зачатии Ивана IV Василием III и Еленой Глинской при содействии колдунов (с. 64). Он же писал о том, что черемисы посадили на кол не самого своего царя, а его отрубленную голову (с. 140). Некоторыми недостатками повествования в монографии А.Л. Хорошкевич кажутся повторы в тех случаях, когда они не оправданы архитектурной изложением или уровнями обобщения (с. 111, ср.: 130; с. 187–188, ср.: 192; с. 418 основной текст, ср.: с. 418. Прим. 125); сбившиеся ссылки (с. 101. Прим. 183; 108. Прим. 221; Петроковский сейм на с. 159, ср. с. 156). В справочном аппарате книги при всей его масштабности есть все же зияния. В прим. 54 первой главы приведены обозначения боярского совета, принимавшего участие в дипломатических совещаниях, но нет ссылки на специальные исследования по этому вопросу В.И. Саввы. Не учтены работы М. По (особенно его книга «Народ рожденный для рабства» 2000 года), С.Н. Богатырева (монографическая серия статей и книга

²⁶ А.Л. Хорошкевич называет стремление царя в 1567 г. к заключению брака с замужней королевой Екатериной «бредовой идеей» и «парадоксальной по своему цинизму и откровенному пренебрежению нормами христианской морали идеей» (с. 460–461, 546). Но ради осуществления этого «брёда» царь был готов на признание территориальных претензий Швеции в Эстонии и на полное изменение дипломатического церемониала в отношениях России с Швецией в пользу последней! Причины таких уступок могут быть обнаружены еще в период первого сватовства царя к сестрам Сигизмунда Августа через несколько дней после смерти царицы Анастасии от яда. Реляция царского посла в Вильне Валентина Зауерманна о династических перспективах брака царя на Ягеллонке, основанная на сеймовых дискуссиях рубежа 1558 и 1559 г., осталась А.Л. Хорошкевич неизвестна (ср.: Sucheni-Grabowska A. Starania Iwana Groznego o rękę Katarzyny Jagiellonki a konflikt z Rosją o Inflanty (1560–1561) // *Homines et societas. Czasy Piastów i Jagiellonów*. Poznań, 1997. – S. 216–217, 219. Przyp. 23, s. 222).

²⁷ См.: Памятники истории Восточной Европы: Источники XV–XVII вв. (далее – ПИВЕ). Т. VII: Посольская книга по связям России с Польшей (1575–1576 гг.) / Ред. серии И. Граля; Сост. Л.В. Соболев. – М., 2004.

²⁸ Это расхожее недоразумение. – См.: Граля И. Иван Михайлов Висковатый. Карьера государственного деятеля в России XVI в. – М., 1994. – С. 491, 505; Зимин А.А. Опричнина. – С. 436, 443.

о Ближней думе и царских советниках, биографические и историографические исследования об Иване Грозном и Щелкаловых).

Есть и сюжеты, требующие более подробной аргументации из-за накопившегося историографического шлейфа. Походя, в форме замечания в скобках, выдвинута версия о том, что приписки в Лицевом своде отчасти продиктованы царем, а отчасти откомментированы «лицом их записывающим» (с. 131). Изменение титульной формулы в грамоте Ивана IV Пантелеймонову монастырю от 1 июня 1554 г. объясняется («возможно») прибывшим сообщением о покорении Астрахани: но город был взят только 2 июля, о чем автор подробно рассказывает несколько страниц спустя (с. 148; ср.: 153–154). Ничем не подкреплен тезис о якобы проявленном в переговорах с Ю.В. Тышкевичем в январе 1555 г. «полном равнодушии» царя «к мнению православных ВКЛ»: посланнику было предложено организовать переговоры литовских магнатов с царем, что и было осуществлено к середине того же года (с. 160–161; ср.: с. 163). Почему-то поражение войска И.В. Шереметева Большого в битве на Судьбищах автор находит возможным списать на стремление воеводы «к легкой поживе» (с. 162), тогда как диверсия против татарского коша была успешной тактической операцией, и основную вину за поражение русского войска летописец возлагает на медлительность и нерешительность воинов, а Курбский – на ранение Шереметева и отсутствие централизованного командования в ходе битвы. Отстаиваемый в монографии тезис о «гражданских свободах» в «программе» А.Ф. Адашева звучит как необоснованная модернизация, а противопоставление *на этом основании* его «программы» интересам царя, который «пекся исключительно о собственных интересах и своей чести» требует специальной аргументации (ср.: с. 257–258). Странно в списке служилых людей пропускной грамоты 9 января 1564 г. видеть «демонстрацию силы»: такие списки составлялись по формуляру и входили в пропускные грамоты даже после якобы проигранных Иваном IV переговоров конца 1563 года (ср.: с. 381–383)²⁹. Принятая А.Л. Хорошкевич датировка смерти митрополита Филиппа нуждается в аргументации,

так как концом 1568 г. ряд источников датирует не гибель, а низложение митрополита (ср.: с. 500).

В заключение хотелось бы вернуться к гуманизму и научности книги А.Л. Хорошкевич. Новый труд специалиста по истории международных отношений XVI века предлагает не однообразную схему, а яркое и в чем-то лично пережитое исследование. В нем творческая свобода сочетается с тонкими и часто экспериментальными методиками, которые историографии еще предстоит развивать и оттачивать. В первую очередь эта книга нарушает традиционное понимание граней между «внутренней» и «внешней» политикой имперского общества. Имперские идеалы, идеологические демарши, военные действия, религиозность, личные качества политических деятелей складываются в единую картину, в рамках которой социологические категории, замыслы, ориентиры и перспективы воплощаются в действующих лицах. История, рассказанная в этой книге, может быть определена как трагедия. Но это не история превращения «некогда доброго царя» во «внутреннего дракона» (в стиле Андрея Курбского). Скорее перед читателем пример целостного понимания русской истории «середины XVI века» и тех амбиций, психических комплексов, культурных влияний, из которых складывается образ первого московского царя. При этом трагедией история обернулась для тех, кто создавал этот образ. Особенно важно, что предпринята попытка за фигурой Ивана Грозного увидеть строительную работу знати и чиновных профессионалов с их особыми взглядами на государственное строительство. О том, насколько эти лица различимы за формуляром и скупыми свидетельствами, еще предстоит спорить историкам и, надо надеяться, дипломатам, лингвистам, филологам, психологам, исследователям культуры. Книга А.Л. Хорошкевич является монументальной систематизацией в своей области, но вряд ли подводит итог. Эта книга участвует в развитии сложной и очень дискуссионной темы, раскрытие которой связано с множеством трудностей, но позволяет наметить еще большее множество новых перспектив.

²⁹ См., например: РГАДА. – Ф. 78, оп. 1, кн. 1, л. 286–287, 287 об.–288.